

ПУШКИН

(Писано в 1837 году, через две недели после смерти его.)

Умер он. Песня его умолкла. Погребальный звон колокола над его гробом отозвался в русской земле печальною вестью — «Пушкина нет!» Светлая Божия весна скоро зазеленеет, и в тающем снеге псковских лесов впервые обнажит холодную, безмолвную могилу великого русского поэта.

Человек умер. Мир тебе, усопший брат! Что же? Каждый день умирают люди. Каждый день сердятся суетливые живущие, что чей-нибудь похоронный поезд мешает им свободно мчаться по широкой улице. Каждый день кто-нибудь из живущих плачет над чьей-нибудь могилою. И каждый год зарастает какая-нибудь могила «травой забвения»; и каждый год редуют около нас ряды наших спутников, гаснут надежды живущего поколения, темнеют его радости, неоконченные и мимолетные, как падучая звезда. Новый поток жизни сменяет поток, быстро высыхающий, и теснит гроб колыбелью. Свет забывчив: он скоро забудет и Пушкина, как забыл тысячи своих великих и малых собратий. Слезы высохнут. Улыбка сменит печаль. Изредка будет еще оживляться несколько времени беседа современников рассказами о Пушкине, но пройдет несколько десятков лет, и только немногие из нас, дряхлые

старики, будут говорить: «Я знал его, видал, помню». Юное поколение будет прислушиваться к речам этих стариков. Но еще несколько лет, и от нас, современников, останется только ряд могил, связка летучих заметок, память добра и зла нашего, темная и безотчетная молва о том, что мы *были* и *что* такое мы были.

В какое время эту грозную истину лучше можно сказать человеку, как не теперь, на свежей могиле Пушкина, когда еще так тяжело сердцу, так больно душе, когда еще слезы невольно вырываются из глаз при печальной вести: «Уже нет Пушкина!»

Удержим безрассудный ропот. Все добро, все благо в твоём прекрасном создании, Творец жизни и смерти! Кто умер, тот довольно жил. И когда надежды на будущее превращаются в грусть о минувшем, да благоговееет наше растерзанное сердце перед Твоею неисповедимою волею!

В холмистой стране могил, которые быстро вырастают из почвы нашего века, взор потомка будет искать и отыщет могилу твою, наш поэт! И над этою могилою, через годы и столетия, всегда равно будет гореть для избранных неугасаемый пламень вдохновения. К ней подойдет также холодное любопытство, и на ветхом, полуразрушенном камне прочтет:

Александр Пушкин

Родился

двадцать шестого мая 1799 года.

Скончался

двадцать девятого января 1837 года.

«Чья это могила?» — спросит рассеянная суетливость.

«Он жил, — скажут знающие люди, — в девятнадцатом веке и писал стихи. Можете прочесть обстоятельное жизнеописание его в новом издании «Словаря русских писателей». Современники называли его первым из своих стихотворцев. В самом деле, стихи его хороши по своему веку и времени».

Вы ошибетесь, будущие знатоки прошедшего! Вы стоите на могиле не стихотворца, но памятного человека и истинного поэта: благоговейте перед славным прахом *нашего* Пушкина! Он равно современник и вашего, и нашего века. И жизнь его равно поучительна для всех веков.

Он был поэт.

В толпе поколений, которые теснятся по дороге, ведущей от колыбели до гроба, спеша сменить пеленки саваном,

272

являются иногда пришлецы — странные скитальцы на земле, бездомные и сирые. У всякого из нас есть какое-нибудь занятие в жизни. У этих странников нет занятия. Они лепечут только какие-то гармонические звуки, иногда так внятно, что даже толпа людей слышит их, приходит в восторг, останавливается и, указывая на пришлеца, восклицает: «Поэт!» Где он! Где он? Неужели явился новый поэт? Да, явился новый фигляр на ваше позорище, новый безумец. Бегите, бегите за ним!

Послушайте его песен! Смотрите — вот он! И толпа смотрит. «Да он как все? Он как все мы?» Разумеется,

И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он!¹

Но что ж он не поет? Он, кажется, страдает чем-то? И он опять запел. Как это нехорошо, неправильно! Прежде он лучше певал. Посмотрите, как он дурачится! А вот еще запел другой: этот поет лучше, в этом больше надежды. «Надежды?..» Бедные люди! на чью могилу споткнулись вы? «Как? Это *его* могила? Жаль, жаль поэта! Он рано умер!» И суетливо пробежала вперед людская жизнь, оставивши за собою потомству могилу вдохновенного, могилу, окропленную теплыми слезами немногих, у кого сердце билось к нему сочувствием. Одни только они стоят, погруженные в мрачную думу, над его гробом!

Не вините толпы, не вините людей; она права, они правы. Поэзия — безумие, непонятное, странное безумие — тоска по небесной отчизне. Ее ли понимать нам на земле?

Не вините людей. Действительно, так: сами *поэты* виноваты перед людьми — факиры-мечтатели, добровольные скитальцы, лунатики, повинующиеся силе непостижимого луча, который падает на них откуда-то свыше и приводит в вешее прозрение. Не думайте, чтобы толпа всегда отвергала этих дивных собратий, чтобы она не давала им иногда гремушки своей дружбы, не дарила их дурацким колпаком своей любви. Но с презрением бежит поэт от ее объятий и, как слезы крокодила, отвергает он слезы толпы. В ярости своей за сострадание к нему, он платит эпиграммою участию, насмешкою любви.

От него люди отвергнулись: он мучится. Его похвалили: он насмехается. И вечно недовольный собою, другими, жизнью — он гибнет, гибнет, когда его обхватывают холодные объятия света, гибнет, когда на него сыплются все дары земного

273

счастья, гибнет, когда зависть обременяет его позором бесславия и когда злое невежество терзает его, в отмщение за свое бесславие. Сколько жертв сгорело этим страшным внутренним огнем, оттого что не было выхода ему из души, во мраке бедности, унижения, суеты! И сколько звезд потухло, оттого что высоко избрали себе жилище, и не было им живительной, необходимой стихии жизни на высоте, где носятся только бурные тучи! сколько небесных гостей задохлось в угаре света и страстей! Не думайте, чтобы рождение, богатство, знатность спасали поэта, чтобы и ничтожество, и бедность убивали его. Байрон был пэр и богач; любовь и слава лелеяли его — а он спешил умереть за недостойные развалины Греции. Шекспир прибежал за куском хлеба в Лондон и ушел назад, в бедную отчизну свою, отказавшись от похвал и денег и умоляя только людей — «ради имени Божиего не трогать костей его». А этот непостижимый, железотелый Гете, который умер в глубокой старости, тайным советником, со звездами на груди и с улыбкою самодовольства на устах, это удивительное явление, олицетворенное равновесие мира духовного с миром вещественным? Не верьте ему, не верьте тому, что он говорил: он начал «Вертером» и кончил «Фаустом»!

Ломоносов, сын бедного рыбака, горько жалел на смертном одре о своей жалкой участи — первого ученого и стихотворца в отечестве. Державин сделался ребенком в преклонных летах и сам не понимал своих вдохновенных страниц.

Такова участь поэзии; таковы поэты, были суть, будут всегда и везде. Бедный юноша! если в твоём взоре просвечивает вдохновение — мне жаль тебя! Бедная девушка! если твоя душа хочет прижаться к душе поэта — я жалею о тебе! Прочь от этой тлетворной горячки, пожирающей человека с душою, полною гармонии! Хотите ли выкупить несколько мгновений — правда, не земных, таких, каких другие люди не знают на земле — выкупить, может быть, годами страданий, слезами, скорбью, каких другие люди также не знают? Безумный Прометей! похищая после того огонь с неба: он будет твоим губителем! Безрассудная Семела! зови к себе Юпитера: он явится и сожжет тебя!²

Пушкин был в наши дни именно таким явлением, таким «незванным гостем на пиру жизни». Он был истинный поэт, какими не делаются, а рождаются, по добродушному признанию Горация, который назло своему убеждению хотел *сделаться* поэтом.

Не теперь, когда и дерном не покрылась еще свежая

могила чудесного певца, не теперь говорить о жизни Пушкина, непрерывной ошибке, смеси неба с землею, решительности гения с недоверием человека к самому

себе, гордой мечте и бедной сущности. Пусть холодный суд других тяготеет над его гробом. Мы, которые знали, видели его, мы, за него страдавшие, когда он шел вопреки своему назначению, когда он сбивался с своего пути — падал — вставал с новыми силами — опять падал, — будь он в живых, мы сказали бы, и даже мы говорили ему при жизни много такого, чего не можем сказать теперь. Страдалец земного бытия! он успокоился наконец, замолчал, кончил... Бурно, огненно, неровно было его земное странствование. Увлеченный мечтами юного и пламенного воображения, он истратил первый цвет жизни на эти безрассудные мечты. И неужели вы думаете, что он не понимал этой траты, он, одаренный таким превышающим дарованием, таким светлым умом, он, говоривший в 1825 году:

Служенье Муз не терпит суеты.
Прекрасное должно быть величаво.
Но юность нам советует лукаво
И шумные нас радуют мечты.
Опомнися, но — поздно! — и уныло
Глядим назад, следов не видя там!³

И вот в самом разгаре жизни, в пылу своего блестящего дарования, Пушкин на радость всем возвращен был священному служению Музы. Рукоплесканиями приветствовало его отечество. Прошло два года, и Пушкин горестно жаловался, в пленительных стихах, которые один из великих современных поэтов называл тогда «лучшим его произведением»:

Когда для смертного умолкнет шумный день

**И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
*Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:*
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу, и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю⁴.**

275

**Вспомните, как тогда же доспрашивался Пушкин у
судьбы своей: зачем живет он?**

**Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь обречена?
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум⁵.**

И Пушкин мог так говорить? Он ли мог называть ум свой *праздным* и сердце *пустым*? Да, и мечта о смерти уже мелькала в душе его:

**Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести!
День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать⁶.**

С начальной веселостью, с горестною усмешкою, он высказывал то же самое другими словами. Вспомните окончание шестой песни «Онегина»:

**Мечты, мечты! где ваша сладость?
Где, вечная к ней рифма, *младость*?
Ужель и вправду наконец
Увял, увял ее венец?
Ужель и впрямь и в самом деле,
Без поэтических затей,
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?
И ей ужель возврата нет?
Ужель мне скоро *тридцать* лет?⁷**

И какая–то задумчивая молитва навевалась на сердце поэта, вместе с досадою, после этой улыбки. Вот она, и как она прекрасна!

**Но ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай;
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь,
И наконец окаменеть
В мертвящем упоенье света,**

276

**Среди бездушных гордецов,
Среди блистательных глупцов,
Среди лукавых, малодушных,
Шальных, балованных детей,
Злодеев и смешных, и скучных,
Тупых, привязчивых судей,
Среди кокеток богомольных,
Среди холопьев добровольных,
Среди вседневных модных сцен,
Учтивых, ласковых измен,
Среди холодных приговоров
Жестокосердной суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетов душ и разговоров
В том омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья!⁸**

**Кому же были жертвы поэта? Какому бездушному
истукану поклонялся он? Где он искал вдохновений — он,
который говорил нам, что всегда и сряду —**

**...всех в гостиной занимает
Такой бессвязный, пошлый вздор!
Все в них так бледно, равнодушно —
Они клеветают даже скучно,
В бесплодной сухости речей,
Распросов, сплетней и вестей
Не вспыхнет мысли в целы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобум
Не улыбнется томный ум,
Не дрогнет сердце — хоть для шутки,
И даже глупости смешной
В тебе не встретишь, свет пустой...⁹**

**Помните ли еще эту горькую шутку, которую
кончился «Онегин»:**

**Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа...¹⁰**

**Сквозь слезы проговорена была эта шутка. Да, и
вслед за нею тяжело отозвался грустный поэт, уверяя,
будто — блажен,**

**Блажен, кто с молоду был молод,
Блажен, кто вовремя дозрел,
Кто постепенно жизни холод
С годами вытерпеть умел!...
Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,**

Что обманула нас она;
Что наши лучшие мечтанья,
Что наши свежие желанья,
Истлели быстрой чередой,
Как листья осени гнилой.
Несносно видеть пред собою
Одних обедов длинный ряд,
Глядеть на жизнь, как на обряд,
И вслед за чинною толпою
Идти, не разделяя с ней
Ни общих мнений, ни страстей¹¹.

Теперь, в этих поэтических записках, в этой исповеди души, понимаете ли вы человека в поэте, поэта в человеке? Видите ли несчастную вражду их между собою? Вот он еще — грустный отголосок души поэта:

Увы! На жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,
По тайной воле Провиденья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут...
Так наше ветренное племя
Растет, волнуется, кипит,
И к гробу праотцев теснит!
Придет, придет и наше время,
И наши внуки, в добрый час,
Из мира вытеснят и нас! <...>
Покамест упивайтесь ею,

Сей легкой жизнью, друзья!
Ее ничтожность разумею,
И мало к ней привязан я.
Для призраков закрыл я вежды...
Но отдаленные надежды
Тревожат сердце иногда:
Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить.
Живу, пишу — не для похвал,
Но я бы, кажется, желал
Печальный жребий мой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук...¹²

Но не здесь вполне высказывался великий поэт. Вот его последний, надгробный голос — страшный вопль растерзанного бытия, вопль уже без шутки, уже без притворной улыбки... И могли ли мы думать, что это будет последняя, лебединая песнь Пушкина?.. С невольным содроганием сердца повторяем мы теперь эти унылые звуки, вылетающие к нам, как будто из-за гроба:

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.

Но, как вино, печаль минувших дней
В моей душе чем старе тем сильнее.
Мой путь уныл. Сулит мне *труд* и *горе*
Грядущего волнуемое море.

*Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной!*¹³

Теперь ни надежде, ни грядущему уже нет места. Мир заключен, расчет окончен и скреплен лопатой могильщика. Осталось навеки одно прошедшее. Что ж? Мы теперь, «потомство» его, живые, мы станем вокруг безмолвного жилища мертвеца, и начнем разыгрывать печальную комедию. Кто нам помешает? За осуждение нам уже нечего бояться бешеной эпиграммы разъяренного поэта, а похвалой и криком удивления, может быть, мы останемся в выигрыше перед живыми — можем даже причесться в друзья поэта. Он уже не скажет теперь:

*Уж эти мне друзья, друзья!
Об них недаром вспомнил я...*¹⁴

И нас, пожалуй, почтут «чем-то», если мы скажем, что для Пушкина были «что-то».

Нет! близ могилы великого русского поэта мы не будем ни хвалителями, ни осуждателями его. Живым пригодятся похвала и лесть — мертвым надобна одна истина. Но суд и решение настоящего предоставим мы потомству. Мы еще не потомство для Пушкина, когда не остыли страсти, которые равно одушевляли его и нас, когда в нас сохраняются личные впечатления его жизни и

созданий, когда душа стеснена тяжелою скорбью от его потери.

Пушкина—человека мы старались изобразить его собственными словами. Вы слышали эти слова? Разгадывайте и узнавайте его в собственных его признаниях.

Но Пушкин—поэт?

Даже для того, чтобы современники поняли великость своей потери и справедливость нашей печали и не почли нашей грусти за тщеславие, приличие, мы должны ГОВОРИТЬ о Пушкине, как поэте. Мы должны также сохранить для потомства современные чувства и впечатления, чтобы они послужили ему поверкою его выводов. Мы должны

279

сказать нашим внукам, какое действие производил Пушкин над нами.

Пушкин не принадлежал к тем вековым гениям, которых появление в мире становится реже и реже, и быть может, сделается наконец совершенно невозможным, как появление первобытных феноменов земной природы, в раздробленном быту нашем, при смешении и сшибке умножающихся стихий и деятелей общества, Омир, Данте, Шекспир уже и теперь невозможны. Это мифологические лица.

Но тем ярче и сильнее могут блистать частные гении, проявления одной какой—нибудь стороны человеческого духа и одного народа.

Все эти проявления не могут выходить из пределов своего назначения, своего времени, своего места, и они тем возвышеннее, тем достопамятнее, чем благоприятнее обстоятельства, время и место.

В этом положении человеческого мира, Пушкин был поэт — *великий лирический поэт* и полный представитель своего современного отечества.

Только два таких поэта было у нас доньше, Державин и Пушкин. Оба они были лирические. Мы так еще свежи и юны как народ и как общество, что другого рода поэты не могли у нас явиться. Державин был представителем царствования Екатерины: его приготовили Ломоносовы, Кантемиры, Сумароковы, Петровы и классицизм. Пушкин был представителем окончания царствования Александра и начала царствования Николая: его приготовили Карамзины, Жуковские, Дмитриевы, Батюшковы и романтизм.

Обоих захватил к себе свет и погубил их как поэтов. Оба увлеклись пылкостью своих впечатлений в чуждую для себя сферу и не могли осуществить всей своей самобытности. Но оба стали выше всех своих сверстников, и оба вполне выразили свой народ.

Толпа спутников окружала Державина: около него теснились Капнисты, Нелединские, и подражание ему увлекло бесчисленное множество более или менее важных дарований. Не то ли было с Пушкиным? Выйти из своего века и стать впереди его — никто не может. Если вы слышите иногда подобные слова, то не верьте им. Это слова громкие и пустые. Но сильный ум, но гений может заключить в себе всю современную образованность своего народа, может угадать все его тайные побуждения и потребности и выразить их: оттого кажется он каким-то

вдохновенным прорицателем всего, что темно и неясно для умов обыкновенных.

В течение двадцати лет Пушкин пережил и перечувствовал всю жизнь и всеми мыслями своего времени и своего народа. Эти остатки классицизма и восемнадцатого века в первых его творениях; безотчетное бегство к новым идеям; бессистемное юношеское стремление к нововведениям, которыми кипели литературы английская, германская, французская с 1815 года; отвращение от гибельных следствий, коими кончились эти усилия для большей части Запада; потом мысль о собственной самобытности, о народности, северной, восточной, русской; опыты создать ее в литературе; необходимость труда разнообразного, переходы к драме, повести, роману, истории, народной сказке, вечное неудовлетворение тем, что довольствовало бы ум обыкновенный; непрерывное движение вперед и неизбежные оттого усталость, сомнение, недовольство самим собою и другими — все это не показывает ли гения, рожденного в веке переходном? Таков был Пушкин.

Что же совершил он?

Но разве не исполинский подвиг: представить собою свое время и свой народ в области поэзии? Каким благородным чувством современным не билось теплое сердце нашего поэта? Что прекрасное и славное не находило сочувствия в его душе? Хотите ли исчислить все, что высокого и задушевного успел перемыслить и сказать

Пушкин в жизнь свою? Переберите все, что врезалось невольно в сердце ваше от его неподражаемых стихов.

Да, неподражаемых. Когда мы все умрем, когда простынут наши сердца и новые времена, новые подвиги, новые впечатления овладеют чувствами русскими и далеко оставят за собою понятия и происшествия, одушевлявшие Пушкина, и тогда еще он будет великий писатель.

Пока был он жив, пока он являлся между нами, мы забывали Пушкина настоящего и смотрели в настоящем только на Пушкина будущего. Но самое это требование целого и могущественного народа от «одного» человека, эта боязнь всех за одного, это общее ожидание, что поэт новым, бурным переливом гения через скалы и утесы, удовлетворит каждой новой потребности наших умов и сердец — вот мир гения Пушкина. К нему, и только к нему одному относились наши требования и ожидания: только за него одного мы трепетали и боялись. Другие писали или, когда угодно, пели, но кто препятствовал им писать и петь, как им угодно и что угодно? Спокойно могут и

теперь, после Пушкина, все другие петь и писать, потому что в русском поэтическом мире, кроме его одного, мы ни за кого не боимся, и ни от кого ничего не надеемся.

Таково было место Пушкина—поэта в современной России. Оглянитесь кругом: нет «другого Пушкина» среди пятидесяти миллионов нашего славного, умного русского народа! Русская почва плодородна на великое. Пушкины

явятся снова. Еще лучше, еще прекраснее будут они, но среди нас, живущих ныне, — нет другого Пушкина. Это говорим мы, современники его, и это подтвердит потомство.

И как на могиле такого человека — когда мы знаем притом избыток сил, хранившихся в его пламенной душе и ярком уме, когда жизнь его была несчастною ошибкою и кончилась разрушением надежд наших, — как нам не сокрушаться сердцем, не плакать — не за него, а за себя...

Это невозможно. Пусть же немногие слова, которые теперь вырываются невольно из сердца, пусть они покажут, что если мы не умеем высказать вполне чувства нашего, то по крайней мере мы хотели высказать его. Чувство добра и чувство горестной утраты русской литературы в Пушкине близки к нашей душе.

Слова скорби пролетают, хотя и шевелят сердца, которым доступно чувство простое, искреннее, непритворное. Но слов мало. Неужели мы оставим забвенною уединенную могилу нашего чудного, единственного поэта?

Русский царь, великая душа которого вмещает в себя все высокие русские чувствования, первая радуется радостью России и первая за всех нас печалится нашими печальями, — русский царь показал и своей отеческою заботливостью о Пушкине в последние его минуты, и великостью своих благодеяний к его вдове и сиротам, как велика наша потеря. Неужели мы, дети Его, братья по общему отцу сиротам Пушкина, не сделаем ничего для почтения памяти поэта? Наш долг ознаменовать воспоминание о Пушкине памятником, достойным его славы и русской чести. Русские люди! воля царская, без всякого сомнения, разрешит нам такую дань

благодарности. Никогда еще ни одно доброе намерение не погибало от недостатка одобрения нашего доброго, славного царя! Пусть каждый из нас, кто ценил гений Пушкина, будет участником в сооружении ему надгробного памятника. Наши художники вспыхнут вдохновением, когда мы потребуем от них труда, достойного памяти поэта. И в мраморе или в бронзе

282

станет на могиле Пушкина монумент, свидетель того, что современники умели его ценить. И сильно забьется сердце юноши при взгляде на этот мрамор, на эту бронзу. И тихо задумается странник, зашедший в ветхие стены уединенной Святогорской обители, где почиет незабвенный прах первого поэта нашей славной Русской земли в наше время!

283